

Н.Д. Голев, О.Н. Матвеева

Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права

В наше время членение наук на частные отрасли компенсируется их взаимовлиянием и созданием промежуточных дисциплин, позволяющих изучать не изолированные феномены, а комплексы (циклы) каузально связанных явлений, относящихся к разным сферам жизни. Познание не может пренебречь фактором целостности.

Н.Д. Арутюнова

В статье анализируются важнейшие научные предпосылки, которые приводят к формированию новой отрасли лингвистических знаний, возникающей на стыке языка и права. Мы предложили назвать ее термином «юрислингвистика» – по аналогии, с одной стороны, с терминами: психолингвистика, этнолингвистика, онтолингвистика и подобными – а с другой стороны с терминами: юриспруденция, юрисдикция, юрисконсульт и подобными. Разумеется, юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права так или иначе рассматривались в лингвистике (например, проблема государственного языка) и в юриспруденции (например, лингвистические вопросы толкования текстов закона, законотворческой техники), но такое рассмотрение было далеко от уровня признаков «целостное» и «системное», которые названы в тезисе Н.Д. Арутюновой из эпиграфа к нашей статье.

Движущими силами выделения новой отрасли знаний являются как внешние социальные обстоятельства, так и обстоятельства внутренние, определяемые логикой развития обеих «перекрещивающихся» наук – лингвистики и юриспруденции – в их фундаментальном и прикладном бытии. Далее речь пойдет преимущественно о вторых. Однако для полноты картины считаем необходимым сделать краткий очерк первых.

Вопросы, возникающие на стыке языка и права и требующие юрислингвистической экспертизы, весьма разнообразны и сложны, многие из них требуют предварительных теоретико-лингвистических и теоретико-юридических разработок, а их реализация в юридической практике – создания прецедентной базы. В значительной мере системную разработку проблем на стыке языка и права стимулирует само общество, в котором активизировались явления, ранее мало востребованные в качестве предмета юридического разбирательства. Таковы дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, о клевете и оскорблении, конфликты, связанные с авторскими правами, рекламой, предвыборными технологиями и др. Практика выявила лингвистическую и юридическую неразработанность подходов к такого рода делам, отсутствие единых «правил игры» для всех их участников, включая самих лингвистов-экспертов, действующих во многом по своим собственным представлениям о правильности. Происходит постепенное осознание того, что в данной сфере нельзя рассчитывать на стихийное формирование единых «правил игры» по ходу накопления судебных решений и их использования в качестве аналогов (прецедентов) для экспертных действий. Стихийность в таких во-

просах вряд ли конструктивна. Необходимы интеллектуальные и организационные волевые усилия как ученых в разных областях науки, должных разработать таковые правила, так и участников практических дел, готовых или обязанных этим правилам следовать. Думается, что именно эти обстоятельства приводят к учреждению в Москве Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, одним из существенных результатов ее деятельности явился выпуск книги «Цена слова», в которой приводятся материалы экспертиз по сложным социально-языковым конфликтам, приведших их участников к судебным разбирательствам [Цена слова, 2002]. Другим закономерным следствием очерченных процессов является открытие лаборатории юрислингвистики и развития речи на филологическом факультете Алтайского государственного университета. Она ставит своей главной задачей аккумуляцию практического опыта лингвистической экспертизы различных явлений на стыке языка и права, выработку научно обоснованных принципов их юрислингвистического анализа, учитывающего специфику их обеих сторон – как языковой, так и правовой. Основные научные результаты работы лаборатории нашли отражение в трех выпусках сборника научных трудов «Юрислингвистика» [1999; 2000; 2002]. Прикладной деятельностью лаборатории является осуществление практических экспертиз (некоторые их примеры можно найти в [Юрислингвистика, 2002, с. 208-261]). Настоящая статья является теоретической рефлексией по поводу такой деятельности. Авторы статьи – заведующий названной лабораторией (Н.Д. Голев) и ее методист-исследователь, в настоящее время обобщающий научно-практические результаты лаборатории в диссертационном исследовании (О.Н. Матвеева). Еще раз отметим, что целью данной статьи является анализ лингвистических предпосылок возникновения юрислингвистики и его важнейших следствий для лингвистики и юриспруденции.

Прикладные аспекты языкознания обычно рассматриваются как периферическая сфера научных исследований. Между тем лингвистика уже с самого своего возникновения была именно прикладной наукой, ее изначальное предназначение – толкование сакральных текстов (в частности, индийских Вед), а затем – обучение языку, риторике и пр. Теоретический подход к языку появился много позже. Сейчас наблюдается обратное движение – от теоретического языкознания к прикладному. Сегодня наука отвечает на запросы общества увеличением числа прикладных задач, требующих специальных исследований. В лингвистике это широкая лексикографическая практика, исследования по машинному переводу, автоматической обработке информации, моделированию искусственного интеллекта, нейролингвистические исследования, лингводидактика в ее многочисленных формах (например, русский язык как иностранный) и пр. Каждое из прикладных отношений формирует особый взгляд на сам язык как онтологическую сущность, позволяя видеть в нем то, что не видно изнутри, как глазу не видно себя без помощи зеркала.

Положение лингвистики в современном научном мире в этой связи обусловлено двумя взаимонаправленными тенденциями: во-первых, лингвистика характеризуется расширением своих пределов, ее нельзя считать дисциплиной с четко установленными границами (В.М. Алпатов, Е.С. Кубрякова, Д.И. Руденко, В.В. Прокопенко, А.Е. Кибрик); во-вторых, произошел общенаучный поворот в сторону языка – это значит, что лингвистика, по словам А.С. Александрова, «стала для современных гуманитариев (и не только для них) и тем же, чем была, например, биология для интеллектуалов в XIX веке. Лингвистика – наука наук. Через язык, в языке пытаются найти ответы на свои вопросы философы, социологи, историки, психологи» [Александров, 2000, с. 101]. Добавим к этому, что право также ищет ответы на многие свои вопросы в языке¹. И в этом поиске формируются

¹ Многие исследователи суть права видят в языке. Ср. высказывания

особый общий подход к языку, его конфликтогенным свойствам, реализуемый в частных исследованиях (экспертизах, как одном из инструментов судебных решений) конкретных конфликтных ситуаций, связанных с языком.

Право по происхождению связано с языком, оно объективируется в языке и через язык познается. Однако в настоящее время возникает новый, нетрадиционный, неожиданный как для юриспруденции, так и для лингвистики аспект их связи – речь идет о проблемных вопросах, находящихся в пограничной сфере права и языка, прежде всего – о лингвистической экспертизе текстов, вовлеченных в юридическую практику. Работа лингвистов в пограничной с юриспруденцией зоне в теоретическом плане подтолкнула развитие новой области междисциплинарных исследований – юрислингвистики, или правовой (юридической) лингвистики. Она в своей практической сфере стимулирует становление лингвистической экспертизы естественных текстов, вовлеченных в юридическую практику, а также самих юридических текстов (законопроектов).

Научные исследования, проводимые в данной области, отвечают последним тенденциям языкознания. Разработка лингвистической экспертизы текстов, вовлеченных в юридическую практику, происходит на стыке лингвистики и юриспруденции, что отражает картину развития междисциплинарных связей, присущих современной науке. Уже сейчас становится понятно, что прикладные исследования лингвистов не приведут только к констатации уже известного и твердо установленного. Становление новой перспективной и многообещающей области прикладных исследований существенно расширяет традиционные горизонты лингвистики и сулит достижение интересных результатов лингвистической деятельности по объяснению как уже сформулированных проблем, так и ждущих своих формулировок. Какие же это проблемы?

Либерализация общественной жизни и провозглашение свободы слова породили массу конфликтов, связанных с использованием продуктов речевой деятельности. Это прежде всего конфликты, порожденные вербальными оскорблениями, клеветой, распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Думается, что это готовит почву для рождения новой отрасли лингвистического знания – лингвистической конфликтологии, представленной пока в единичных работах [Аспекты речевой конфликтологии, 1996; Муравьева, 2002; Юрислингвистика, 2000, с. 143-207]. Речевые конфликты стали постепенно входить и в сферу юридической регламентации, и в сферу лингвистических исследований. В науке о языке стали сначала робко и спорадически, а теперь все более настойчиво и регулярно появляться новые понятия, связанные с непривычными для классической лингвистики аспектами использования языка. Это такие понятия, как инвективное функционирование языка и его проявления – обида, оскорбление, языковой конфликт, а также понятия языкового манипулирования и суггестии, речевой агрессии и лингвистической экологии и пр. Некоторые из этих яв-

А.С. Александрова: «...язык говорит правом. Язык первичен. Право вторично. Язык создал право начиная с первых табу», «... юридическое – это языковое, текстовое плюс властное»; «Юрист – игрок на семантическом поле, которое образуется юридическим языком. Цель деятельности юриста – достижение своей выгоды, общественного блага юридическими – языковыми средствами. Насколько он владеет этими средствами, насколько он технически искушен – настолько он успешен в своей дискурсивной практике»; «В закономерностях языка лежат основания права» [Александров, 2000]. Американский правовед, профессор университета Флориды У. Проберт предлагает определить право как «юридическую речь и ее последствия», считая, что «самый центр общего права в суде – не нормы, но риторика» (Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. М., 1986); Поль Рикер считает, что «конечная цель судебного процесса и суда как института – способствовать общественному миру благодаря торжеству языка над насилием» [Рикер, 1996].

лений (например, языковые конфликты, приведшие к оскорблению, распространению порочащих сведений и пр.) уже регулируется правом, другие (такие, как языковое манипулирование, суггестивное использование языка в рекламных и избирательных кампаниях и пр.) остаются пока вне сферы правового регулирования (по-видимому, не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что лингвисты не могут предложить надежных способов экспликации названных феноменов). Следует заметить, что наличие этой проблемы в лингвистике уже осознано, о чем свидетельствует активизация исследований языковой агрессии, языкового насилия, шизосемиозиса, языкового манипулирования. Отмеченные явления составляют крайний (отрицательный) полюс культуры речи, и как своеобразное конструктивное противодействие этому полюсу в науке о языке появляются понятия лингвистической экологии, лингвоэкологии и эколлингвистики, языковой самообороны; в этот ряд входит и юрислингвистика как сфера, обслуживающая экологическое (в широком смысле слова) право, постепенно закрепляющееся в российском правовом пространстве. Думается, что где-то в глубине общественного сознания зарождается понятие языкового права. Язык, как и природа, будучи достоянием общества, доставшимся ему в наследство от прежних поколений, нуждается во всех формах защиты, в том числе в правовой.

Язык потенциально конфликтен, но большинство «лингвистических» конфликтов язык «решает» внутренними средствами, прежде всего своей естественной «нормативной базой», которая регулирует речевое поведение носителей языка, обеспечивая взаимопонимание между ними. В первую очередь это конфликты, возникающие при социальном функционировании языка, например, те из них, которые связаны с разной интерпретацией речевых произведений их автором и адресатом. Некоторая их часть выходит за рамки внутренних регулятивных возможностей языка и их разрешение требует правового регулирования. Традиционно языковые конфликты решаются либо за счет собственно языковых ресурсов, либо путем различного рода этических регуляторов. Что касается этических регуляторов лингвистических конфликтов, то среди общих моральных принципов, управляющих речевым поведением, можно назвать запрет лжи, хвастовства, сплетен, угроз, проклятий, клятвопреступлений, запрет повреждений словом, наносимых обществу и самому себе. Подобного рода моральные принципы существуют в каждой культуре и выражены, например, в национальных поговорках, пословицах, афоризмах, крылатых словах и т.д. («Раз соврал – навек лугом стал»; «Кто врёт, тому бы ежа в рот»; «Проврался что прокрался: люди долго помнят»; «Вранье не спору: попутает скоро»; «Ложь не имеет ног, но обладает скандальными крыльями» (японск.); «Горлом изба не рубится»; «Клевета что уголь: не обожжет, но замарает»; «Людей порочить – самому на свете не жить»; «Птичке – простор, клеветнику – позор»; «Мутная вода течет не из чистого озера»; «Не хвали сам себя – пусть люди похвалят»; «Хвастливо слово гнило»; «Лесть без зубов, а с костями съест»; «Не ножа бойся, а языка»; «Острое словечко колет сердечко»; «Недоброе слово больше огня жжет»; «Не судите, да не судимы будете» (Евангелие от Матф., 7, 1-2) и пр.).

Новый путь разрешения языковых конфликтов – это путь их юридизации. Мы полагаем, что соотнесение естественно-языкового регулирования языкоречевых конфликтов с юридическим существенным образом расширяет границы такой лингвистической сферы, как ортология, углубляет представление о языкоречевых нормах, выявляя в них принципиально новые грани. Например, сама проблема перевода языковых признаков слова (в прикладном аспекте – словарных помет) типа «бранное», «пренебрежительное» в юридические определения типа «оскорбительное», «порочащее» предъявляет принципиальные требования к квалификации лингвистической сущности первых.

Поскольку правонарушение совершено с помощью языковых средств, то ос-

новым предметом юридического анализа становится лингвистический предмет – конфликтогенный дискурс (текст). В связи с этим странным кажется то обстоятельство, что лингвистика до последнего времени никак не реагировала на возможность совершения правонарушений с помощью языка. Лингвисты вскользь говорили о том, что «язык способен и на «преступные» действия» [Арутюнова, 1998, с. 3], но что-то мешало заняться этой темой всерьез – либо отсутствие социального заказа, либо сложность темы, ее пограничность с юриспруденцией. Справедливости ради стоит заметить, что и в юриспруденции эта тема не разработана с должной основательностью: сами понятия права не определены достаточно четко.

Сегодня лингвистическое экспертное исследование, будучи новой сферой деятельности языковедов, базируясь на достижениях классической лингвистики, ставит принципиально новые вопросы, требующие оригинальных решений для сохранения динамического равновесия между специфическими и зачастую разнонаправленными тенденциями языка и права, обусловленными сущностью и функциями этих социальных феноменов (подробнее об этом в [Юрислингвистика, 1999; 2000; 2002]). Лингвистические экспертные исследования ведутся в русле антропологической парадигмы, в которой «язык мыслится не как некоторая безликая имманентная система, но как система, составляющая конститутивное свойство человека, формирующаяся в своих фундаментальных чертах под влиянием его общего биологического и нейрофизиологического устройства и тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью человека» [Язык и структуры представления знаний, 1992, с. 98], Центр внимания лингвистов-экспертов перенесен с изучения языковой системы на речевую деятельность и ее продукт – текст (дискурс).

Лингвистическая экспертиза текста касается вопросов, традиционно находящихся в сфере прагматики, понимаемой не только как отрасли лингвистики, предметом изучения которой являются механизмы коммуникации, но и направленной на «исследование языка в контексте смежных с ним феноменов» [Арутюнова, 1998, с. 315]. В центре внимания лингвистической экспертизы оказываются центральные категории прагматики – категория субъекта (которая, кстати говоря, в идентификационной (фоноскопической) лингвистической экспертизе трансформируется в категорию языковой личности, стоящей за любым текстом), события, оценки. В связи с категорией субъекта перед лингвистикой встают вопросы об интенции говорящего / пишущего (в терминах юриспруденции – об умысле) и способах ее экспликации, перед юриспруденцией эти вопросы оборачиваются проблемами квалификации правонарушений по гражданскому или уголовному кодексу РФ (клевета, оскорбление или распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию). Наличие умысла необходимо, например, и для квалификации правонарушения как речевого мошенничества (речь идет о манипулятивном использовании языка в рекламе, политике, (около) медицинской практике и пр.), в отличие от ненамеренного создания суггестивного эффекта (подробнее см. об этом [Голев, 2002 а; 2002 б]). Лингвистические категории события и оценки (см., например, работы [Арутюнова, 1998; Демьянков, 1983; Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ, 1997]) трансформируются в принципиально важные для юриспруденции категории факта и мнения, от различения которых зависит квалификация тех или иных высказываний как соответствующих / не соответствующих действительности.

Необходимость объективного экспертного анализа конфликтогенных текстов обуславливает постановку вопроса о методике их исследования. Традиционно используемые в лингвистике методы исследования текста применительно к конфликтогенному тексту, на наш взгляд, не всегда приводят к достоверным результатам. Принятая логика суда и экспертизы исходит из презумпций классической

(структурной, системной) лингвистики, а именно результат воздействия конфликтогенного текста оценивается не по самому воздействию, а по его возможности. Презумпции лингвиста-эксперта направляют его на поиски ответа на вопрос: может ли то или иное языковое средство оскорблять, порочить честь, достоинство и деловую репутацию, и это соответствует юридическим презумпциям. По существу, в таком случае экспертизе подвергается (речевое) средство, но не (речевое) действие, каковым является речевой акт, который в современной лингвистике рассматривается как полноценная деятельность со всеми ее компонентами – мотивом (намерением, интенцией), целью, способами и средствами осуществления, результатом. Однако употребление тех или иных слов (средств) не всегда достигает результата, иначе говоря, наличие в тексте негативных высказываний в отношении какого-либо лица не всегда приводит к унижению чести, достоинства и деловой репутации. Как отмечает В.И. Жельвис, следует различать американские понятия «offensiveness» и «offendedness»: «Offensiveness можно перевести как «оскорбительность» в смысле содержания в слове отрицательного или вызывающего отвращение значения. Чем оскорбительнее слово, тем сильнее оно табуируется, запрещается к употреблению. Таким образом, «оскорбительность» есть свойство самого слова, изначально присущий ему оскорбительный смысл. Русский мат в компании воспитанных людей оскорбителен сам по себе, кто бы его ни произносил или слушал. Offendedness же есть реакция слушающего на оскорбление в его адрес, ощущение обиды или оскорбленности. Как видим, разница тут значительная, потому что объективная оскорбительность слова еще не обязательно вызывает субъективную оскорбленность...» [Жельвис, 2000, с. 228]. Речевое действие подпадает под юрисдикцию закона о защите чести, достоинства и деловой репутации лишь потому, что оказывает воздействие. Честь определяется в праве как сопровождающееся положительной оценкой *отражение* качеств лица (физического или юридического) *в общественном сознании* (курсив наш – Н.Г., О.М.). Исходя из этого определения, исследователи приходят к выводу о том, что «унижение чести предполагает, что истец ощущает (или считает потенциально возможным изменение) общественного мнения о себе. Это сознательная дискредитация человека в общественном мнении» [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ, 1997, с. 12]. Однако судебная практика такова, что оценивает изменения в общественном сознании сам истец. Экспертиза, как мы уже отмечали, оценивает средство воздействия на общественное сознание, а результат воздействия оказывается вне всяких оценок. Ср.: «Как указывает Комментарий к УК РФ, «наличие унижения и его степень, глубину оценивает в первую очередь сам потерпевший»: объективных, тем более операциональных критериев для доказательств того, что «унижение чести» имело место, в законе и текстах права вообще нет» [Там же, с. 12]. Разработка экспериментальной методики оценки результатов воздействия конфликтогенных текстов позволит исследовать наличие изменений в «отражении качеств лица в общественном сознании». Автор конфликтогенного текста практически всегда, стараясь уйти от ответственности, предлагает, опираясь опять-таки на средство (текст, слово), выгодную ему интерпретацию текста, ссылаясь на то, что его не так поняли, что он не то имел в виду и пр. Ситуация становится практически неразрешимой, когда текст построен на импликации, невербализованных намеках, сравнениях, коннотативных значениях и пр., т.е. на тех способах передачи смысла, которые не подлежат непосредственному формальному определению. Адресат конфликтогенного текста, как правило, имеет возможность «выбора»: интерпретировать высказывания как порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, либо как вполне приемлемые с этой точки зрения. Мы можем констатировать тот факт, что на сегодняшний день отсутствует единая методика анализа конфликтогенного текста, позволяющая делать достоверные выводы о том, что текст порочит честь, достоинство и деловую репу-

тацию определенного лица либо, наоборот, не делает этого. Для объективного исследования конфликтогенного текста необходимо применение определенного алгоритма экспертных действий, включающего в сложных случаях проведение эксперимента, нацеленного на исследование речевого действия как перлокутивного акта. Таким образом, юрислингвистическая экспертиза способствует проникновению в глубинные прагматические сферы речевой деятельности.

Лингвистическая экспертиза текста высветила пробелы в теоретическом знании о языке. Так, инвективная функция языка, очевидная и бесспорная, не упоминается в академической лингвистике, в лексикографической практике отсутствует само понятие инвективности, не разработана система стилистических помет, отражающих инвективное функционирование слова. Суды воспринимают словари как наиболее легитимные источники, однако лишь в одном словаре [Русский семантический словарь, 1998] имеется тематическая группа слов «Брань, хула». На сегодняшний день эксперт не имеет другой возможности для обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего – на пометы толкового словаря. Но филологический словарь не призван выполнять юридическую функцию, не «имеет законного права» быть основанием следственных и судебных решений. Автор словаря в данном отношении слишком волен, пометы в словаре слишком прихотливы и приблизительны, чтобы отвечать требованиям объективности, однозначности, системности, пригодности для принятия правовых решений. Проиллюстрируем сказанное. В экспертизе № 1, напечатанной в «Цене слова», выясняется значение слова *вотчина*, дается стилистическая оценка его употребления в контексте конфликтогенной публикации. Опираясь на академические (а следовательно, авторитетные, признанные научным сообществом) словари, эксперты приходят к выводу, что слово *вотчина* употребляется в значении «территория, место, где кто-либо является полновластным хозяином» – это значение переносное, экспрессивно-эмоционально окрашено, что отражено в стилистической помете (обычно шутивное). Слово *вотчина* не относится к бранной, грубой лексике, а также не именуется действия, понятия, явления, осуждаемые общепринятыми моральными нормами, то есть слово *вотчина* не относится к словам, которые именуют осуждаемые в обществе действия, типа вор, взяточник и т.п. Соответственно, слово *вотчина* не может быть отнесено к оскорбительным ни в каком контексте» [Цена слова, 2002, с.33]. В специализированном словаре, автор которого считает, что «язык публицистики, газеты, располагающий богатейшим фондом лексико-фразеологических, выразительных средств, заслуживает самостоятельного лексикографического описания» [Солганик, 2002, с. 3], нами найдено следующее определение слова *вотчина*: 1. На Руси до 18 в.: наследственное земельное владение. 2. *Перен., негат.* Место бесконтрольного хозяйничанья кого-л.». Прямое значение данного слова дано без иллюстративного материала, а переносное значение с иллюстрацией, что, согласно замыслу автора, означает актуальность для публицистики только переносного значения. Кроме того, при данном слове присутствует помета «негативнооценочное»; вряд ли можно утверждать, что она является функциональным эквивалентом помет «бранное» или «грубое», но, по крайней мере, наличие этой пометы означает, что данное слово может именовать понятие, осуждаемое общепринятыми моральными нормами. Кстати говоря, автор словаря, осознавая, насколько важна в публицистике «оценочная окраска слова, тесно связанная с ее политическим, идеологическим содержанием и во многом регулирующая употребление слова» [Там же, с. 6], выделяет в качестве наиболее важных в Словаре помет две – «позитивнооценочное» и «негативнооценочное». Ни в коей мере не оспаривая выводов экспертов, мы лишь хотим указать на небесспорность опоры на обычные толковые словари при проведении экспертного исследования. Это предполагает развитие лексикографии, в частности, разработку специальных юрислингвистических словарей, в которых

отражается как можно более полно потенциал инвективного функционирования языка. Такого рода словари должны составляться с учетом проекций на юридически значимые обстоятельства употребления того или иного слова (к примеру, должна быть разработана новая система стилистических помет, отражающая градацию инвективности). Итак, практика лингвистических экспертиз позволяет поставить фундаментальные вопросы о вербальной инвективности как форме проявления речевой агрессии, о необходимости ее правового ограничения¹. Вопрос о необходимости специальных лексикографических исследований, посвященных инвективности как феномену естественного языка, подлежащему юридической регламентации, – это один из насущных вопросов лингвистической экспертизы.

Обслуживание лингвистикой юридических потребностей рождает новые лексикографические модусы, обусловленные «жесткой» семантизацией юридического языка, о чем писал Ч. Дж. Филлмор (см. об этом в [Филлмор, 1983]), провоцирующей юристов проецировать ее на язык естественный. Непрерывность и аморфность значений слов естественного языка входит в противоречие с требованиями точности и ясности, являющимися принципиальной установкой юристов в отношении языка. Для юристов ценность лингвистического анализа конфликтного текста прежде всего состоит в том, что лингвист-эксперт нацелен в своем исследовании «поймать» дискретность в непрерывности языковых значений, что отвечает юридическим презумпциям. Учет интересов лингвистики и юриспруденции достаточно сложен, и эта сложность обусловлена объективным противоречием перевода на юридический язык естественного текста-первоисточника: лингвистика предполагает бесконечную глубину анализа, юриспруденция же требует жестко ограниченных оснований, необходимых для вынесения правовых решений.

В связи с этим лингвистическая экспертиза текстов имеет и некоторые особенности по сравнению с другими видами экспертиз в силу специфики объекта названной экспертизы. В качестве объекта выступают, как правило, тексты естественного языка, а для лингвиста это означает возможность «неустранимой множественности смысла» в силу такого свойства языкового знака, как его бесконечная смысловая валентность. Особенность лингвистической экспертизы состоит в том, что лингвистическая объективность ведет лингвиста-эксперта ко все большей глубине анализа сложной конфликтной ситуации и в силу этого, как правило, ко все большей неоднозначности ответа, объективно предполагаемой ее (ситуации) сложностью (если бы случай не был сложен, то и экспертизы бы не потребовалось). Однако это противоречит юридическим презумпциям: юридическая строгость предполагает прежде всего максимальную (насколько это возможно) правовую однозначность ответа: именно с целью ее достижения правовые органы и обращаются чаще всего к экспертизе и именно ее ожидают от экспертов. Другими словами, требование объективности выводов лингвистической экспертизы потенциально нацеливает эксперта на дачу вероятностного заключения.

Дальнейшее развитие лингвистической экспертизы имеет принципиально важное значение и для юриспруденции, поскольку особая роль любой экспертизы в общей системе права обусловлена тем, что «экспертиза является инструментом

¹ Кстати говоря, Государственная Дума уже рассмотрела в первом чтении закон «О русском языке как государственном языке РФ», согласно которому употребление оскорбительных и нецензурных слов будет наказываться штрафом. Однако, если данный закон будет принят, ему грозит судьба остаться лишь декларацией, не имеющей правовых механизмов реализации, поскольку ни юриспруденция, ни лингвистика не знает ответа на вопрос, что же такое оскорбительное слово, и не имеет как можно более полного их списка (мы не говорим исчерпывающего, поскольку практически каждое слово имеет определенный потенциал инвективного функционирования).

решения коллизионных ситуаций между субъектами права и, следовательно, инструментом защиты охраняемых правом интересов личности, общества и государства» [Колдин, 2000, с. 691]. Для юриспруденции необходимо инициировать исследования в области правовой лингвистики в целом, поскольку, во-первых, многие аспекты использования языка не регламентированы правом (отсутствует статья закона, а значит, не является криминальным деянием, например, языковое манипулирование сознанием, суггестивные технологии рекламы, предвыборных кампаний и пр.), во-вторых, реализация как уже действующих законов, так и существующих пока в виде законопроектов, посвященных регламентации языковых феноменов, затруднена в силу того, что на многие проблемные вопросы пока не в состоянии ответить ни юристы, ни лингвисты. Думается, что в сферу совместной регламентации юриспруденцией и лингвистикой должны войти в будущем и многие другие аспекты использования языка (языковые проблемы межнациональной политики, право на имя, права автора на творческое использование языка и пр.)

Вынесение законных, обоснованных решений по делам, связанным со словесными оскорблениями, реализация закона о защите чести, достоинства и деловой репутации возможны лишь в том случае, когда суды смогут опираться на компетентные, объективные и легитимные экспертные заключения. Юристы признают, что в «правовом поле найти критерии допустимости и правомерности, равно как и недопустимости и неправомерности тех или иных форм передачи информации, оказывается абсолютно невозможным. Уяснение этих вопросов предполагает выход за пределы собственно правовой проблематики и обращения к лингвистическим, психологическим и другим научным понятиям и критериям» [Ратинов, 1997, с. 114]. Особенность судебных дел, рассматривающих языковые конфликты, состоит в том, что правонарушения совершаются посредством продуктов речевой деятельности: «В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам «Corpus delicti», все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушения по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки» [Там же, с. 116]. Основой для выявления юридически значимых обстоятельств дела является прежде всего текст, именно из него извлекаются те категории, которыми оперирует юриспруденция в делах такого рода. Для анализа текста необходимы специальные познания, поэтому суд по делам такого рода назначает проведение лингвистической экспертизы.

Лингвистическая экспертиза текстов не закреплена *de jure* (она отсутствует в списке канонических судебных экспертиз), но *de facto* проводится повсеместно. Юристы не обладают необходимым инструментарием для исследования текста, не владеют лингвистической терминологией и, как следствие, не могут правильно сформулировать вопросы, подлежащие разрешению лингвистами-экспертами. У лингвистов же отсутствуют единые принципы, методы и приемы проведения экспертизы, отсутствует согласование лингвистических понятий с правовыми, обозначающими юридически значимые обстоятельства для данной категории дел. Лингвисты слабо представляют себе, что судебная экспертиза – это не только лингвистическое исследование (нет никаких сомнений, что это именно серьезное научное исследование, требующее как знания академической теории, так и ориентирования в последних достижениях лингвистической науки), но и особый способ доказывания, строго регламентированный в гражданском и уголовном процессе. Между тем, лингвистическая экспертиза только тогда выполнит свою функцию, когда ее конечные результаты будут содержать юридически значимые выводы, т.е. результаты лингвистического исследования будут соотноситься с зафиксированными в законе признаками состава данного правонарушения. На сегодняшний день лингвистическая экспертиза текстов, вовлеченных в юридическую практику в связи со злоупотреблением свободой слова, проводится стихийно. По-видимому,

названным обстоятельством объясняются те многочисленные случаи, когда лингвисты указывают, что вопрос суда лежит за пределами их компетенции, когда по одному делу даются прямо противоположные экспертные заключения, когда суды игнорируют заключения лингвистов, вынося решения, противоречащие выводам экспертов (достаточно часто суд, по сути переключая на лингвистов вопрос о юридической квалификации конфликтогенного текста, спрашивает о том, было ли оскорбление).

Все это говорит о необходимости серьезных научных исследований по разработке и унификации принципов, методов и приемов лингвистической экспертизы текстов, включению ее в общую систему судебных экспертиз и нормативному закреплению ее положения в этой системе. В рамках данной статьи нами перечислены далеко не все вопросы, оказывающиеся в сфере внимания лингвистов-экспертов. Мы вовсе не коснулись имеющей особое значение для юриспруденции лингвистической экспертизы законопроектов, которая проводится по другим методикам, нежели экспертиза текстов, связанных с языковыми конфликтами, но в конечном счете обе экспертизы имеют один предмет, поскольку естественный язык выступает субстратом языка юридического. Мы не затрагивали вопросы и филологической и юридической герменевтики, для дальнейшего углубления и совершенствования которой развитие лингвистической экспертизы могло бы сыграть важную роль. Лингвистическое исследование должно быть подчинено юридическим потребностям, а это значит, что должен быть приведен в соответствие терминологический аппарат, используемый юристами и лингвистами. Необходимы совместные усилия лингвистов и юристов для разработки методов и принципов нового вида судебной экспертизы, социальная потребность в которой сегодня очевидна, и это определяет перспективы такого рода исследований.

Литература

Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники: Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1998.

Аспекты речевой конфликтологии, СПб, 1996.

Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. Литературоведение и языкознание. 1983. № 4.

Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул, 2002 а.

Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002 б.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.

Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники: Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ. М., 1997.

Рапинов А.Р. Когда не стесняются в выражениях... // Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ. М., 1997.

Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4.

Русский семантический словарь. М., 1998.

- Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. М., 2002.
- Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М., 1983.
- Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2002.
- Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.
- Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.
- Юрислингвистика – 3: проблемы юрислингвистической экспертизы / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
- Язык и структуры представления знаний. Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1992.